

Серый четырехэтажный дом, построенный еще в сталинские времена, стоял в самом престижном районе города. Вероятно, лет пятьдесят назад он выглядел очень солидно и простым смертным и в голову не приходило претендовать на эту жилую площадь. Теперь же он был похож на старый трухлявый пень. Дом был окружен такими же пожилыми сгорбленными тополями, и было непонятно, то ли деревья, желая передохнуть, опираются на проржавевшую крышу, то ли дом укрывается огромными зелеными ветками от наступающих на него многоэтажных новостроек.

Шум машин и июльская жара остались на центральном проспекте. Тенистый двор был прохладен и тих. Птицы, заселившие старые гнезда на тополях, не щебетали, а лишь изредка лениво перечирикивались между собой. Петь им здесь было не для кого. На заброшенной детской площадке в центре развалившейся песочницы торчал облезлый деревянный грибок, а рядом — покосившиеся сломанные качели. Огромные, давно некрашенные скамейки, взгромоздившиеся возле подъездов, также были не заняты.

Среди всеобщего запустения выделялись массивные метал-

лические двери, годные больше для банковского хранилища, нежели для крайнего левого подъезда этой развалюхи. На дверях красовался новенький кодовый замок и домофон. Все это выглядело так же нелепо, как золотая пряжка на истоптанном валенке.

Назначено мне было к десяти часам. Без двух минут десять я нажала все необходимые кнопки домофона и затаила дыхание в ожидании. Довольно долго ничего не происходило. Затем в переговорном устройстве что-то зашебуршало, и недовольный мужской голос спросил:
— Кто?

— Здравствуйте! Меня зовут Вера. Я от Лидии Яковлевны, — скороговоркой выпалила я.

— Ничего не слышно, — еще более недовольным тоном ответил мужской голос, и домофон отключился.

Я замерла, не зная, что делать дальше. Несколько месяцев почти полного безденежья заставили меня братья за любую работу, и это место было для меня просто спасением. А тут все оборвалось, еще не начавшись.

Пока я раздумывала, стоит ли позвонить еще раз, домофон вновь зашуршал, и тот же голос раздраженно спросил меня:

— Кто там?

Я подвинулась вплотную к домофону и как можно громче и четче произнесла:

— Меня зовут Вера. Я от Лидии Яковлевны.

— Не слышно, — безапелляционно заявил мужской голос и отключился.

Все, все пропало! Моя нижняя губа начала предательски дрожать, а на глазах появились слезы, как вдруг электрический замок загудел и я, не веря своему счастью, очутилась в подъезде.

На верхний этаж, невзирая на крутые ступеньки, я просто взлетела. И тут лестничная площадка встретила меня очередным сюрпризом. Одна из трех дверей, не менее массивная, чем на входе, была открыта настежь. Тишина и отсутствие хозяев не позволили мне переступить порог. Нерешительно потоптавшись, я вытянула шею и сказала в пустоту темной прихожей:

— Здравствуйте!

— Здравовалась уже, — ответил уже знакомый мне мужской голос откуда-то сбоку. — Дверь закрой! Сквозняки по дому гуляют!

— Да, да, конечно, — поспешно сказала я.

Ответом мне было полное молчание, лишь какое-то движение происходило слева от меня. Через несколько минут глаза мои привыкли к полумраку, и я обнаружила, что стою в двух метрах от хозяев, которые тщательно пережевывали содержимое своих тарелок.

— Меня зовут Вера. Я от Лидии Яковлевны, — сказала я в третий раз, все же пытаясь обратить на себя внимание.

— Завтракаем мы, обожди, — ответил мне старик, не отрывая глаз от еды.

Утренняя трапеза длилась минут двадцать. За это время, переминаясь с ноги на ногу, я успела рассмотреть старика, его вспотевшие седые пряди, аккуратно размазанные на лысине, его толстые губы, испачканные маслом, и волосатые пальцы рук с пожелтевшими ногтями. Его жена сидела ко мне спиной, сосредоточенно ссутулившись над своей тарелкой, время от времени тяжело, с присвистом вздыхая:

— О Хоссспади, Хоссспади, Хоссспади!..

Для молчаливого разглядывания в моем распоряжении была длинная широкая прихожая, из которой в разные стороны вели шесть дверных проемов. По этой прихожей можно было кататься на велосипеде, если бы каждый ее сантиметр не был заставлен всякой всячиной. Разномастные тумбочки и платяные шкафы перемежались полочками для обуви и ящиками с минеральной водой. На стенах висели картины в золоченых рамах. Между картинами прекрасно уживались ржавый велосипед, норковая шуба в полиэтиленовом чехле и старая пластмассовая ванночка с одной отколотой ручкой. Все это было облеплено целыми гирляндами

давно поблекших искусственных цветов.

Завтрак наконец был съеден. Еще раз внимательно исследовав оставшиеся объедки и более не найдя ничего привлекательного среди куриных костей и яичной скорлупы, хозяйка толкнула тарелку мужу:

— Додик, прибири это.

— Оставь. Она уберет, — ответил Додик и соизволил поднять на меня выцветшие глаза. — Ну, что тут нам Лида опять прислала?

Хозяйка тоже проявила интерес к новому предмету в своей квартире. По-видимому, шея ее давно уже утратила способность двигаться, и потому повернулась она ко мне всем своим коротким широким телом. Теперь уже две пары выцветших глаз пристально изучали меня: Додик — снизу вверх, а его супруга — сверху вниз. Кажется, оба они остались недовольны увиденным. Хозяйка сразу же потеряла ко мне всякий интерес и направилась по узкому проходу, протоптанному в середине прихожей между коробками, тумбочками и ящиками. Передвижение было медленным, тяжелым, сопровождалось шумным свистящим дыханием и восклицаниями:

— О Хоссспади, Хоссспади, Хоссспади!..

Левая рука ее висела, как плеть, и мелко подергивалась. Правой рукой она опиралась на попадающуюся мебель, в том числе и на меня. Додик еще некоторое время рассматривал новую прислугу, нисколько не заботясь о том, нравится это мне или нет. Затем он сложил свои полные губы в трубочку и брезгливо произнес:

— Иди руки вымой. Только хорошо вымой! — И толкнул меня в противоположную дверь, за которой оказалась ванная комната.

После столь радушного приема я действительно почувствовала себя грязной с головы до ног. Тщательно, как хирург перед операцией, я несколько раз намывала ладони, а затем смывала их напором горячей воды. Наконец, по моему мнению, руки стали почти стерильными. Я заставила себя улыбнуться и повернулась лицом к хозяину.

— Вымыла? — спросил он.

— Да, — ответила я.

— Я же сказал: хорошо вымой! — рявкнул он на меня и вернулся в кухню.

Молча, глотая слезы, я минут пять мыла свои руки. Вдвое дольше покорно ждала в темной прихожей, когда же меня допустят к мытью посуды. Если допустят, конечно. Из дальней комнаты, в которой, вероятно, расположилась хозяйка, был слышен звук включенного телевизора. Ведущий программы на все лады расхваливал преимущества нетрадиционной медицины и обещал скорое исцеление от всех существующих болезней.

Хозяин дома пересекал прихожую в разных направлениях из одной комнаты в другую. Вот он зашел во вторую дверь слева, а вышел из нее в одних трусах и направился в самую дальнюю дверь справа, откуда появился через некоторое время в добротном дорогом костюме и нежно-голубой рубашке.

— Давид! — позвала его жена. — Запиши телефон и закажи у них эти травки. Мне это нужно по диабету. До-одик! Ты слышишь?

— Ты лекарства не приняла, — ответил Додик.

— Запиши телефон, я сказала.

— Мне некогда — я одеваюсь. У тебя ручка и бумага на столе. Запиши сама, — ответил Додик, обувая начищенный ботинок.

— Ты что, оглох?! — гавкнула на него хозяйка. — Запиши телефон, я сказала!

— Да, Сонечка! Иду, иду, — испуганно пролепетал Додик и в одном ботинке поспешил исполнять приказание.

— Скажи этой, пусть воды принесет. Я лекарства запью. Она руки вымыла?

— Да, да, Сонечка, — услужливо лепетал Додик.

— Ты проверил? — продолжала рычать хозяйка.

— Да, да. Проверил.

— Ну так неси воды! Полный дом прислуги, а я лекарства не могу принять! О Хоссспади, Хоссспади, Хоссспади!.. — злобно засвистела Сонечка.

Додик уже летел по коридору в своем начищенном ботинке и, не сбавляя скорости, втокнул меня в кухню.

— Вот Сонечкина кружка, воду нальешь из той бутылки, и бегом! Сонечка сердится!

— До-одик! Запишешь ты телефон, наконец!

Начищенный ботинок поспешил обратно.

Комната, в которой восседала Сонечка, была, так же как и прихожая, напичкана всевозможной разномастной мебелью. Все эти стулья, шкафы, кресла и пуфики не сочетались друг с другом ни цветом, ни стилем, ни формой. Единственное, что их объединяло, — это цена. Невооруженным взглядом было видно, что вещи, купленные в разные годы в составе разных гарнитуров, стоили приличные деньги. Я, да и Додик, несмотря на его хороший костюм, выглядели на общем фоне как две неструганые табуретки.

Наконец Сонечка получила все, что желала, и благополучно забыла о нашем существовании. На кухне Додик стоял уже в двух ботинках и с вернувшимся к нему

высокомерием отдавал мне приказания:

— Вымоешь посуду, пропылесосишь, сделаешь влажную уборку и перегладишь белье. Если Сонечка захочет — оденешь ее и выведешь во двор гулять. Одну на улице не оставляй! Дождись меня! Если не поведешь ее гулять, все сделаешь и можешь идти. Вот тебе деньги за два часа работы. Придешь завтра в это же время.

Додик величественно удалился, а я с тоской посмотрела на часы. Было почти одиннадцать. Огромная квартира ждала уборки. Что-то найти в этом невероятном количестве комнат и шкафов было практически невозможно. Почему-то на цыпочках я направилась в комнату хозяйки.

— Извините! — робко обратилась я.

Сонечка не отрывалась от телевизора.

— Извините! — чуть громче сказала я. — Ваш муж ушел. Вы не могли бы мне подсказать, где у вас пылесос, ведра, тряпки?

— Что-о?! — Хозяйка развернула в мою сторону свое квадратное тело. — Деточка, — сказала она с нескрываемым ко мне отворачиванием, — запомни: я в этом доме знаю только две вещи — где лежит пульт от телевизора и где стоит холодильник. Запомнила? Теперь иди и делай то, что тебе велено.

В половине второго я наконец справилась с заданием и, изнемогая от усталости, присела на краешек стула. Очень хотелось пить, но спросить на это разрешения у хозяйки я не решалась. Она проходила мимо меня каждые полчаса, абсолютно не замечая, а вот к холодильнику обращалась как живому, любимому и равному себе существу.

— Ну что, мой хороший, ты для меня припас? Колбаску? А может, сметанку? Я съем и то и другое! Спасибо, роденький мой!

Мне почему-то казалось, что после каждого свидания с ним любимым Сонечка гладила его белые холодные бока и нежно целовала в никелированную ручку. Увидев, что я сижу на стуле, она наконец заметила меня:

— Немедленно встань! Это же антиквариат! Ты испачкаешь обшивку! — закричала она, срываясь на визг.

— Извините, — ответила я, подсакивая со стула, как с раскаленной сковороды. — Может, вы хотите выйти во двор погулять?

— Какие гулянки могут быть! На улице такая жара! Ты все сделала?

Я кивнула в ответ.

— Тогда иди домой.

— Я приду завтра к десяти, — сказала я.

— Мне без разницы, кто придет завтра и во сколько.

Вот так: ни спасибо, ни до свидания, но в кармане у меня лежали реальные деньги, и это уже было хорошо.

На следующее утро все в точности повторилось.

— Кто? — недовольно спросил меня Додик.

— Это Вера, — ответила я как можно громче.

— Не слышно, — ответил Додик и отключился. Через минуту он повторил: — Ничего не слышно, — и открыл дверь...

Одна неделя сменяла другую. Постепенно я привела квартиру в порядок и научилась, как хотели того хозяева, быть незаметной и в то же время всегда быть под рукой. Сонечка вообще перестала меня замечать. Все свои пожелания она сообщала мужу, а уже он отдавал приказания мне:

— Не стой столбом! Неси Сонечке бульон! Ей это надо по диабету!

— Постель надо всю вытрясать! Сонечка задыхается в этой пылюке! У нее же астма! Развеля тут срач! Толку от тебя никакого! Никто ничего делать не хочет! Всем только деньги подавай! — брюзжал Додик.

— С мебелью аккуратней! Это же антиквариат! Такие деньжищи плочены! Сидеть можешь только на этом стуле! А вообще-то нечего рассиживаться, работай давай!

— Руки мыла? Мыла? Иди мой, как положено!

Всевозможных требований и обвинений было столько, что вскоре я перестала на них обращать внимание. Пока я занималась хозяйством, Сонечка смотрела программы о здоровом образе жизни, кулинарные шоу и светские новости. Все это бесконечно чем-то заедалось и запивалось. Додик метался по квартире, выполняя Сонечкины поручения, или затаивался на обшарпанном беспородном стуле в те минуты, когда из огромного, похожего на трон обитого бордовым плюшем кресла доносились похрапывания и посапывания.

Иногда Додик удавалось уговорить жену выйти во двор. Из кресла перед телевизором Сонечка перемещалась на огромную кровать в спальне. Как новгородский купец, Додик раскладывал перед ней юбки, блузки, трусы и бюстгалтеры, коробки с обувью. Сонечка к этому вороху одежды была абсолютно равнодушна и в итоге всегда выбирала трикотажные брюки с вытянутыми коленками и длинный серый свитер. Непременно надевались янтарные бусы и широкополая шляпа с огромным бантом.

Далее Додик осыпал проклятиями тех идиотов, которые

спроектировали и построили этот дом. И тут я была с ним полностью согласна, потому как лифт в подъезде располагался между этажами, и для того чтобы войти в него, необходимо было либо спуститься на шесть ступенек вниз либо подняться на шесть ступенек вверх. Для Сонечки, которая еле передвигала ноги, это было суровым испытанием. Добравшись наконец до скамейки во дворе, Сонечка произносила неизменное:

— О Хоссспади, Хоссспади, Хоссспади!.. — и благополучно засыпала.

Вскоре, измученный сборами, одеванием и ступеньками, засыпал и Додик.

Дважды в неделю вместе с Додиком мы шли за покупками. По вторникам в огромном продуктовом магазине обычно бывали скидки. Пропустить это мероприятие было просто невыносимо. Каждый раз собирались мы как на войну. Сумка должна быть самой большой, трость самой крепкой, а обувь самой удобной. Надевая перед зеркалом шляпу, Додик был полон решимости одержать очередную славную победу над представителями сетевой торговли.

Магазин обходился по часовой стрелке не меньше трех раз. Товар надо брать или с самого дна коробки или же ближе к задней стенке стеллажа, потому как ближе к покупателям выставляют дерьмо собачье, которое никому не нужно. Додик, как заправский сыщик, выискивал изъяны, старался немного надорвать упаковку, мял, нюхал.

— Думают, я не понимаю, почему все это уценили! Проквасили у себя на складе, а теперь норовят втюхать людям эту гадость! Не на тех напали! Вот и жрите это сами! — говорил Додик, заканчи-

вая свои исследования, и брезгливо кидал товар обратно.

Продавцы не вмешивались в это действие, так как знали, что почти все, что было перемято и перенюхано Додиком, на третьем заходе все же окажется в нашей корзине и в итоге будет оплачено.

Черным вторник становился, если магазин не делал скидок. Возмущению Додика не было предела, и месть его была страшна. В этом случае надрывалась упаковка на самых дорогих продуктах, в торговый зал вызывалась заведующая, и при большом количестве покупателей товар все же уценялся и отправлялся в наши сумки. Продавцы облегченно вздыхали, когда мы отправлялись на выход, и следующий вторник уж точно не был черным.

По субботам рано утром мы отправлялись с Додиком на рынок. Торговцы, давно его знавшие, натягивали на свои лица приветливые улыбки, справлялись о его и Сонечкином здоровье, на что следовал ожидаемый и много раз слышанный ответ:

— Какое, ну какое может быть здоровье! Врачи сволочи! Дерут такие деньжищи, а помочь ничем не могут! Неучи! Все твердят: нужно правильно питаться, нужно двигаться, а сахар сбить Сонечке не могут, давление тоже! У меня вот в боку уже которую неделю болит, и всем все до лампочки. Терапевт наш мог бы заглянуть после работы, поинтересоваться, мол, как вы себя чувствуете-

те, Давид Самуилович? А вот хрен-то вам на постном масле. Сидят в своих кабинетах, задницами к стульям приросли, и дела им нет до людей!

Мы двигались вдоль мясных рядов под непрекращающееся ворчание Додика.

— Ну какая тут диета может быть?! Приличного куска мяса купить невозможно! А где вилка? Как я могу здесь что-то выбрать? — говорил Додик, и при этом его указательный палец безжалостно вонзался в нежнейшую парную телятину.

Но поскольку клиент он был постоянный и покупал всегда много, то продавцы молча терпеливо выслушивали Додика и согласно кивали головами.

В овощных рядах Додика сегодня ожидала большая удача — целый ящик подгнивших баклажан и болгарского перца. Все это можно было просто забрать. Додик, складывая дармовое добро в наши необъятные сумки, прочел молоденькой узбечке, стоящей за прилавком, целую лекцию о правильной организации хранения товаров и о том, что следовало бы еще и приплачивать тем добрым людям, которые помогают избавиться от испорченных овощей. Узбечка, родившаяся уже в независимом Узбекистане, по-русски говорила плохо. Чем был недоволен этот прилично одетый дедушка и почему нужно платить ему деньги, узбечка не понимала, но на всякий случай услужливо кланялась и повторя-

ла: «Спасыбо большой! Спасыбо большой!»

В общем, очередная битва за хлеб насущный была выиграна. Додик, весьма довольный проделанной работой, в приподнятом настроении, с добычей, победно возвращался домой. Впрочем, Сонечку это совсем не воодушевляло. Глядя, как мы разбираем покупки, она сказала:

— Опять гнилья наташил!

— Ну что ты, Сонечка! Только посмотри, какие синенькие! Сейчас мы все переберем, обрежем, и завтра Лида закрутит икру в банки.

— Давешнюю еще не съели, — буркнула Сонечка.

— Ну как было не взять! Целый ящик, и задарма! Теперь вот надо все это извести. Давай-ка вон ту мыску, — сказал Додик, обращаясь ко мне. — Лушпайки в поганое ведро, а синенькие ложки в мыску.

— Не ложки, а клади! Сколько можно тебе это говорить! — хлопнула по столу ладошкой Сонечка.

— Да, конечно, клади, — засуетился Додик. — Я же так и говорю.

— А, делайте что хотите, — махнула рукой Сонечка и понесла свое грузное тело вон из кухни, приговаривая: — О Хоссспади, Хоссспади, Хоссспади!..

— И я что говорю — клади, а ты все ложишь и ложишь! Ложишь и ложишь! — уже на мне сорвал свою досаду Додик.

Продолжение следует.

Петропавловск-Камчатский — Франкфурт-на-Майне

